

ДЖОЗЕФ КОНРАД О ТУРГЕНЕВЕ

Публикация М. И. Пернер

Небольшая статья Джозефа *Конрада* (1857—1924) о Тургеневе осталась незамеченной в Англии и совсем неизвестной у нас. Она была написана в 1917 г. в виде письма к Эдуарду Гарнету, собиравшемуся тогда выпустить в свет свою книгу о Тургеневе, и была помещена в этой книге в качестве предисловия. Небольшая книга Гарнета образовалась из писавшихся им на протяжении ряда лет вступительных очерков к отдельным томам сочинений Тургенева, которые переводила его жена Констанция Гарнет. Первые два тома — переведенные ею «Рудин» и «Дворянское гнездо» — вышли в 1894 г. с предисловиями С. М. Степняка-Кравчинского. После гибели его в 1895 г. вступительные статьи стал писать Гарнет, возможно, пользовавшийся и некоторыми материалами Степняка (в частности, его незавершенной работой о Тургеневе — см. настоящ. том, стр. 255—276) и не раз, вероятно, беседовавший с ним о Тургеневе и о других русских писателях.

Конрад в своем предисловии подчеркивает значение большого труда переводчицы, недостаточно оцененного современниками. Хвалит он и книгу Э. Гарнета, действительно написанную серьезно и добросовестно, дающую в общем верное представление о творчестве Тургенева читателям другой страны. В небольшой статье Конрада явственно звучит горечь писателя, изнемогающего в борьбе с чуждым и враждебным ему миром, видящего вокруг невежественную толпу, которой нужно не искусство, а ярмарочные балаганы и уроды, и предчувствующего дальнейший упадок литературы. Конрад не просто скорбит о недостаточном уважении к памяти «глубоко человеческого» и «глубоко национального» писателя, бывшего для него воплощением истинно великой литературы, недостижимым образцом настоящего искусства; его мучит тревога о судьбах цивилизации и человечества.

Готовя незадолго до смерти сборник своих заметок и статей, которые он считал достойными сохранения, Конрад включил в него и это предисловие (сняв только обращение и подпись, придававшие статье вид письма). Этот сборник вышел в 1926 г. и был переиздан в 1941 г. без изменений. С текста этого издания («Notes on life and letters») и сделан настоящий перевод, сверенный с текстом 1917 г., а также с подлинным письмом Конрада к Э. Гарнету, представляющим как бы черновой набросок этой статьи (опубликовано в составе переписки Конрада).

ПРЕДИСЛОВИЕ

К КНИГЕ Э. ГАРНЕТА «ТУРГЕНЕВ». Лондон, 1917

Дорогой Эдуард,

я очень рад, что вы собираетесь опубликовать книгу о Тургеневе, этом счастливом художнике, который так много сумел найти в жизни для нас — и для себя, без сомнения, тоже, — за исключением простой справедливости. Но, быть может, и это придет к нему — со временем. И ваша книга поможет торжеству справедливости. Ведь Тургеневу продолжает везти

и после смерти. Чего большего мог желать такой художник, как найти в мире говорящих по-английски переводчика, который не упустит ничего из тончайших, самых незаметных красот его произведений, и критика, который с полным сочувствием и глубоким проникновением рассмотрит его сочинения, указав все их достоинства.

Двадцать с лишним лет дружбы (моей первой литературной дружбы!) дают мне право так говорить о ваших замечательных вступительных статьях, появлявшихся время от времени в томах полного собрания сочинений Тургенева, последний из которых был предложен равнодушной публике в девяносто девятом году девятнадцатого века. Можно было бы утверждать, пожалуй, что тогда пришел конец и веку Тургенева; но такое простое и человеческое творчество, свободное от всяких преходящих формул и теорий искусства, принадлежит «всем временам», как вы указали в предисловии к «Дыму».

Творческая деятельность Тургенева охватывает около тридцати лет. В последующие годы социальная и политическая жизнь России развивалась много быстрее, но глубокие источники этих изменений, кроющиеся в интеллектуальном и моральном беспокойстве людей, запечатлены с безошибочной проникательностью великого национального писателя во всех его творениях. Пробуждение, первые движения этих могучих сил обнаруживаются чуть ли не на каждой странице его романов, рассказов и «Записок охотника» — великолепных картин природы, населенных незабываемыми образами. Эти произведения никогда не устареют. Меняется мода на уродливое, но человеческая правда вечна и неизменна во всем бесконечном разнообразии ее проявлений. Действительно ли окажется «вечным» искусство Тургенева, сумевшего схватить ее так уверенно и так осторожно? Поскольку вы сами утверждаете, что он подвергает все проблемы и всех своих героев испытанию любовью, будем надеяться, что его творчество сохранится, по крайней мере, до тех пор, пока бесконечное разнообразие любовных чувств не будет вытеснено упрощенной точностью усовершенствованной евгеники. Но даже и тогда, думается, женщины не намного изменятся, а женщины Тургенева, изображенные с таким нежным и благоговейным пониманием и с такой силой чувства, несомненно останутся навеки.

Женщины, можно сказать, основа его искусства. Конечно, русские женщины. Не было еще на свете писателя столь глубоко, всей душой, национального.

Но для нерусских читателей Россия Тургенева — лишь полотно, на котором несравненный художник человечества создает красочные образы в ярком свете мирового простора. Если бы он выдумал своих героев, каждый камешек и травинку, все эти ручьи, холмы и поля, среди которых они движутся, все равно, они были бы столь же истинными, столь же глубоко волнующими в их трудных судьбах. Это его создания и, в то же время, они всеобщие. Их воспринимаешь так же бесспорно, как шекспировских итальянцев.

С более широкой, помимо интереса к России, точки зрения именно эта глубочайшая человечность обеспечивает Тургеневу интерес и сочувствие читателей в странах английского языка. Все его персонажи, счастливые и несчастные, угнетенные и угнетатели, — это человеческие существа, а не странные твари в зверинце, не проклятые души, терзающиеся и блуждающие в душных потемках мистических противоречий. Это человеческие существа, достойные жить и страдать, бороться, одерживать победы и терпеть поражения в бесконечной и вдохновляющей, изо дня в день ведущейся погоне за все отступающим будущим.

Я сказал вначале, что ему всегда везло и, в каком-то смысле, это правильно. Но, в конце концов, начинаешь сомневаться в этом. Такое вели-

ПРОГРАММА ИНСЦЕНИРОВАННОГО ЧТЕНИЯ «ДВОРЯНСКОГО ГНЕЗДА» В СЛАВЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕ КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1 декабря 1958 г.

Музей И. С. Тургенева, Орел

И.С.ТУРГЕНЕВ

1858  1958

ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО

THE FIRST READING IN ENGLAND OF THIS DRAMATISATION
OF IVAN TURGENEV'S NOVEL
PRESENTED BY
THE

AMBRIDGE UNIVERSITY SLAVONIC SOCIETY,
CAST

Ф. Н. ЛАВРЕЦКИЙ	C. V. HÉROYS
М. Т. ПЕСТОВА	A. D. BRIGGS
М. Д. КАЛИТКИНА	PROF. E. HILL
ЛИЗА	M. O'FLAHERTY
АЕНОЧКА	J. WARREN
Х. Ф. ЛЕММ	K. BISHOP
В. Н. ПАШИИ	P. E. HALL
ГЕДЕОНОВСКИЙ	A. C. WRIGHT
МИХАЛЕВИЧ	N. ROBERTSON
АНТОМ	B. TAYLOR
В. ПАВЛОВНА	E. RITKEN
JUSTINE	J. CURTIS

STAGE DIRECTIONS - W. BETHELL
INTRODUCED BY M. HURLSTON

MONDAY, DECEMBER 1st 1958

IN

DR EDEN'S ROOM, TRINITY HALL

8 30 P.M.

чие без малейшей рисовки, такая тонкость без малейших ухищрений не могли не стать роковыми для влияния любого человека на его современников.

По правде говоря, я вовсе не желаю выступать в роли знатока русской жизни. Я не имею на это права. Я ничего о ней не знаю. Но я твердо знаю несколько общих истин, например, следующую: никому, какой бы высокой душой, бескорыстностью, ясностью цели и чистой совестью он ни обладал, не доставляет удовольствия, когда большую часть жизни его колотят палками. Из того же, что нам известно о его жизни, ясно, что не было, кажется, в России такой палки, которая не годилась бы, чтобы бить Тургенева в последние годы его жизни. Когда он умер, трусливое русское правительство поспешило убрать его останки в могилу, которую не захотело почтить, а чуткие революционеры продолжали бросать его тени упреки и проклятия, от которых столько страдал при жизни этот беспристрастный друг *всех* своих соотечественников. Ведь он тоже был чутким. Каждая страница его писаний свидетельствует, насколько чуждо ему было холодное равнодушие.

А теперь он страдает еще и от других нападков. Поистине, не мучимый ужасами и припадками Достоевский, а спокойный и ясный Тургенев оказывается проклят. Подумать только! Кажется, он получил в колыбели все дары: совершенное здравомыслие и глубочайшую чувствительность, проницательность и отзывчивость, ясность видения и постоянную благожелательность в суждении, тончайшее постижение видимого мира и безошибочное чутье к существенному, основному в жизни человека, величай-

шую ясность ума и отзывчивость сердца и самые широкие симпатии — и все это в совершенной гармонии. Разве не достаточно этого, чтобы лишить писателя славы? Вы ведь прекрасно знаете, дорогой Эдуард, что если выставить на всемирной ярмарке самого Антиноя и надрываться до смерти, уверяя, что его душа столь же прекрасна, как тело, не соберешь и одной сотой того числа зрителей, которые повалят, толкаясь, в соседний балаган смотреть двухголового соловья или какого-нибудь нетвердо держащегося на ногах великана, ухмыляющегося в хомуте.